

Есть путь до звезды

[Сергей Грущанский](#)

На рисунке Александра Загуляева:
А.А. Алфёров (1927 - 1985 г.г.).

(из документального цикла «Время и судьбы»)

***

Весной 1953-го в Рубежанском техникуме профтехобразования (в Донбассе) шло распределение выпускников. Техникум был союзного значения, поэтому его питомцев ждали во многих уголках СССР. Профгорму студенческой группы Саше Алфёрову предложили тогда отправиться в Кузбасс. «Путь неблизкий, - говорили ему. – Две недели на поезде. Но зато – перспектива жить и работать в крае, где куётся будущее страны».

Алфёров согласился.

В июне он успешно сдал госэкзамены, получил 800 рублей «подъёмных», около месяца погостил у мамы, и – ... Вагон под номером «девять», обдуваемый ветром и паровозной гарью, повлѣк вчерашнего студента в Неведомое – на восток.

О чём думал художавый, небольшого роста паренѣк, глядя в окно плацкартного купе? Наверняка, о том, что осталось позади. Об отце, которого почти не знал... О маме, в одиночку влачившей бремя семейных забот... О Ставрополье – своей малой родине... О Донбассе – куда, в начале 1930-х, перебрались чуть живые от голода Алфёровы...

Вспоминал он, конечно же, и то, как осенью 1941-го фашисты вывезли его – мальчишку четырнадцати лет – в свой «фатерлянд». Там, неподалѣку от Мюнхена, болезненный ребѣнок несколько лет провѣл в качестве раба. Терпел унижения... Проходил через боль и ужас от «экспериментов», которые ставили над ним светочи гестаповской медицины...

Чтобы притупить дорожную грусть, Саша доставал из чемодана тетрадь, открывал её... и бережно переворачивал страницы. В ней были стихи. Да ни чьи-нибудь, а его – Алфёрова! К тому времени он уже начинал складываться в неплохого поэта. Имел публикации в Рубежанской газете. А в техникуме – писал сценарии для агитбригады. Писал в модном тогда стиле «рифмованного плаката».

За окном вагона менялись пейзажи, вывески станций. Поезд всё дальше увозил Алфёрова от юношеских грѣз и тягот детства. В 1961-м Александр прочтѣт поэму Твардовского «За далью – даль» - и будет поражѣн тому, как точно его путь совпадал с географией её сюжета. Он достанет – из скромного тогда ещё – личного архива билет в девятый вагон, и вложит его в книгу Твардовского. Там он и будет храниться почти четверть века.

Но мы отвлеклись...

В августе 1953-го Алфёров сошѣл на перрон Кемеровского вокзала, откуда пешим ходом прибыл в управление профтехобразования. Там ему вручили направление в Киселѣвское горно-промышленное училище № 7 (ныне - ПУ № 47), и утром следующего дня он ступил на досчатый перрон-подмосток станции Акчурла*. Может быть, именно тогда – вглядываясь в смутные очертания рабочих кварталов - он и сочинил строки, через годы ставшие частью большого

стихотворения:

"А что там, за станцией – чёрт его знает...
И город с деревнею схож".

***

Восемь лет Алфёров отработал мастером в училище. Квартиру он получил не сразу, но и комнате в общежитии был рад безмерно. Её комфорт не шёл ни в какое сравнение с нищей обстановкой материнского дома...

С конца 1953-го Алфёров активно участвовал в занятиях городской литературной группы «Родник». Её руководитель – юристконсульт треста «Киселёвскуголь» И.П.Романов – отнёсся к новичку с большим интересом. А когда узнал, что из Донбасса тот привёз наброски к поэме о шахтёрах – буквально расцвёл. Никто из местных поэтов на столь крупную по объёму (и сложную в исполнении) вещь тогда не замахивался. Спустя несколько лет поэма, известная под названием «СТЕПЬ ДОНЕЦКАЯ», была опубликована в местной газете. По меркам нашего времени эта вещь кажется рыхлой, не совсем чётко прописанной. Однако, её отдельные фрагменты несут на себе печать подлинной поэзии. А нижеприведённые строки – я в том уверен – взволнуют всех, без исключения, старых горняков:

"Что умел я
В тот зимний полуденный час,
Отправляясь
К подземным пластам в первый раз?
Я не знал,
Что такое «забой выгружать»,
Не умел я,
Как надо, лопату держать,
Не встречался
Я в жизни с электросверлом
И не знал,
Что зовётся «козой» и «орлом».
И меня обучали
Основам крепи
В древних недрах
Просторной Донецкой степи..."

О подающем надежды киселёвском поэте узнали в Кемерове. И когда, в 1956-м году, там проходил один из первых семинаров молодых литераторов

Кузбасса – к участию в нём был приглашён и Алфёров. Вёл работу семинара Казимир Лисовский – поэт из Новосибирска. Особых похвал в свой адрес Алфёров тогда не услышал (да он их, по его признанию, и не ждал), но пользу от того мероприятия получил немалую. Он узнал о критериях поэзии тех лет, и о ситуации в писательских кругах. Это помогло ему взглянуть на своё творческое Я с позиции большой литературы.

На том семинаре Алфёров свёл знакомство с Михаилом Небогатовым, который в 1950-е годы был едва ли не самым видным поэтом Земли Кузнецкой (и – одним из редакторов Кемеровского книжного издательства). Между ними завязалась переписка, имевшая вид обсуждения стихов Александра. Она, по какой-то причине, длилась только два года. Но «потеряв» Небогатова, Алфёров почти сразу обрёл другого «учителя по переписке». Да ещё какого!.. Несколько лет киселёвский поэт общался через почту с живым классиком - Александром Сурковым, которого боготворил наравне с Твардовским и Прокофьевым.

***

Но не только поэзия владела тогда помыслами Александра. В середине 1950-х он глубоко и безответно полюбил...

Как вспоминает в своей заметке-воспоминании А.К.Трусов (« СЛОЖНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК », газета «Киселёвские вести» от 23 октября 2001 г.), Алфёров испытывал нежное чувство к Галине Архиповой – работнице техотдела завода «Гормаш». А она была влюблена в своего сослуживца Николая Скворцова, который не отвечал ей взаимностью... Сложная ситуация разрешилась без участия Александра. В 1957-м году Скворцов навсегда уехал в Москву. А вскоре покинула Киселёвск (поступила в институт) и Галина Архипова.

Так закончился платонический роман фезеушного мастера и красавицы-технолога. Но для поэта Алфёрова он продолжался! После отъезда Галины Александр написал несколько стихотворений о любви, которые заняли в его творчестве особое место. Продолжи он и дальше развивать «сердечную тему» – и кто знает: как бы сложилась его литературная судьба? Ведь так проникновенно, так трепетно, как Алфёров, любовь к женщине воспевали немногие.

"Её глаза!
Наверно, от богинь
Такие оставляются
В наследство.
В таких глазах
Ликует солнце детства
И юности
Колышутся огни..."

А вот – два фрагмента из стихотворения Алфёрова «ТЕНЬ»:

"О таких делах, о таких вещах
Долго помнится, но не Вам...
Вы не видели, как, смиряя шаг,
Вас преследовал по пятам.

.....

Что мне стоило? Мог бы запросто
И догнать Вас, и перегнать...
Только, знаете, у прекрасного
Даже тень не могу топтать".

***

Алфёров часто публиковался в городской газете. Причём, на страницах «В бой за уголь» (единственной тогда газете в Киселёвске) выходили не только его стихи. К концу 1950-х мастер из 7-го училища был одним из самых активных рабкоров этого издания. Он готовил материалы как о жизни своего училища, так и о событиях городского масштаба. Поэтому никто не удивился, когда - в 1961-м году - партком шахты имени В.В.Вахрушева предложил Алфёрову возглавить многотиражку предприятия.

Он согласился без раздумий, потому что мечтал сделать работу над словом своей профессией.

Но, приняв газету, Алфёров тут же столкнулся с коллизиями, от которых его корбило. Ставки редактора в штатном расписании шахты не было, и Александра определили в должность... уборщика хозчасти. Но больше всего Алфёрова оскорбляло то, что номера газеты, над которыми он мог корпеть сутками, подписывал к печати не он, а кто-нибудь из членов парткома. Так продолжалось до тех пор, пока Александр – в 1963-м году – не вступил в КПСС.

Партбилет означал для него обретение всей полноты редакторских прав. Однако, если кто-то считает, будто Алфёров стал коммунистом вынужденно – тот ошибается. Александр Акимович искренне верил в ленинские идеалы. И был абсолютно неконъюктурен, когда говорил в одном из стихотворений:

"В моём пусть отразится каждом шаге
И подтвердится множеством людей,
Что верен также, как солдат присяге,

Победоносной Партии своей.

Мне в жизни звёзд не доставалось с неба:
Копейка шла лишь с потом пополам.
Но счастлив тем, что я народу предан,
И ленинским идеям и делам.

Быть может, кто-то про меня злословит,
Я Партии служу – дышу пока,
До самой, до последней капли крови
И до тебя, последняя строка!"

Читатель вправе спросить: «А что мешало Алфёрову стать коммунистом раньше – скажем, в 1950-е годы?!» И ответ будет поразительным. Убеждённого ленинца не принимали в партию по причине его... нелегального пребывания за границей. Которое было связано, как мы помним, с годами рабства в фашистской Германии...

***

Многотиражка, ведОмая Алфёровым, довольно скоро вошла в ряд лучших шахтовых газет Киселёвска. На первых порах Александр Акимович многое взял от А.С.Кузнецовой – первого редактора этого издания. Но в дальнейшем полагался только на себя.

Алфёров умело сочетал свой поэтический дар с трудовыми буднями горняков. Перевыполнила шахта обязательства по вахте в честь юбилея Ленина – и на первой странице многотиражки появлялось его четверостишие:

"Да здравствует наша горняцкая честь
И славный порыв горняков нашей шахты!
Плюс шесть тысяч тонн на счету у нас есть
За время ударное
Ленинской вахты".

Отработал хорошо 1-й очистной участок – и в адрес его рабочих газета (устаами редактора) говорила:

"Труд ваш – не без риска,
Но не впопыхах.
Первые – по списку,
Первые – в делах!"

А начальнику того участка по фамилии Долженков Алфёров мог посвятить

такое четверостишие:

"Уверенность – в любых шагах,
Дела – почти рекордные.
Фамилия – не о долгах:
О долге перед Родиной".

При Алфёрове главные специалисты шахты стали писать в газету. Именно ПИСАТЬ, а не подписываться под материалами, которые готовил за них редактор (как практиковалось в большинстве многотиражек).

Но авторский ряд состоял не только из начальников-инженеров. При Алфёрове за перо взялись бригадир А.И.Абрамов, проходчик Т.Г.Авалиани, такелажник Л.И.Дель, электрослесарь В.С.Фесенко... Список рабкоров Алфёрова состоял из десятков имён!

Александр Акимович дорожил уровнем газеты. В отпуск он уходил только после того, как убеждался, что его подменит достойный человек. А в «предъютпусном» номере он мог обратиться к работникам шахты с такой просьбой:

«В связи с уходом редактора газеты в отпуск его обязанности будет исполнять товарищ, недостаточно знакомый с людьми нашего трудового коллектива. Редакция газеты просит всех трудящихся, к кому он будет обращаться за сведениями или материалами для газеты, содействовать этому товарищу, а рабкорам – быть более активными».

***

Алфёров первым из поэтов Киселёвска сделал шахтёрский труд основой своего творчества.

О поэме «СТЕПЬ ДОНЕЦКАЯ» мы уже говорили. Но Александр Акимович ещё и – автор текстов песен, большей частью о горняках, которые – в начале 1960-х годов – исполнял академический хор клуба угольщиков под руководством Николая Зданевича. Помимо них, перу Алфёрова принадлежат десятки стихотворений на горняцкую тему. Не все они равнозначны с точек зрения высокой поэзии, но в чём нельзя упрекнуть их автора - так это в незнании основ угледобычи, и всего, что с ней связано.

Алфёров любил шахту, ценил её людей. Поэтому нет фальши в таких его строках:

"...чище лиц,
Чем у шахтёров, не бывает".

И это им – своим ровесникам, пацанам-подросткам – в годы войны

облачившемся в горняцкие робы – посвятил Алфёров главное своё произведение – поэму « ШАХТЁРСКО НЕБО ».

Сюжет её не замысловат.

Школьник из Поволжья Пашка Зарницин мечтает стать лётчиком. Но приходит черёд Великой Отечественной войны. Через год после её начала Пашку – вместе с десятками вчерашних школьников – отправляют в глубокий тыл. Поезд медленно движется на восток; и описанию того пути Алфёров отводит в поэме целую главу. В ней он сказал о многом. И о том, как пассажиры поезда сумели, несмотря ни на что, сохранить юношеский оптимизм... И о том трагизме, что стоял за сводками Совинформбюро...

Поэт говорит ёмко, почти осязаемо:

"С утра барабанит по крышам вагонов
Назойливый, сумрачный дождь...
О чём репродуктор хрипит на перроне –
В «плацкарте» уже не поймёшь.

А там, на вокзале, в прокуренном зале,
Матрос костыли распротёр.
« - Вы слышали, братцы?! Сегодня оставлен
Родимый мой город Ростов.

Доколе же, братцы...»

И катятся слёзы

По месяц не бритой щеке.
Доколе, доколе? – гудят паровозы
В бессильной чугунной тоске".

Поезд прибывает к станции назначения под названием Акчурла. Зарницин и его товарищи ступают на землю Киселёвска. Они пока не знают, для чего их привезли в такую даль. Но уже первые шаги по незнакомому городу расставляют все точки над «і»:

"И что-то в душе задрожало у Пашки,
Хоть был он всю жизнь храбрецом.
Увидел он женщину в старенькой каске,
И с чёрным от угля лицом.

Ей выкрикнул кто-то:

- Здорово, подруга! –

В ответ улынулась она.

«Так значит, на помощь шахтёрам – на уголь
Решила нас бросить страна!..»"

С этого момента и заканчивается, по сути, Пашкино детство. Паренёк осознаёт непреложный ход вещей:

"Прощай же, мечта, устремлённая к небу –
Мечта с голубою канвой!
Ты призван, товарищ,
и больше не требуй
В военные дни ничего..."

Зарницын работает в шахте. Но и под её каменным сводом паренька не покидает желание воспарить в небо, причаститься к его тайнам. Однако, так ли уж много теряет он здесь – в, на первый взгляд мрачном и суровом, подземелье?! И нет ли в нём чего-то не менее чудесного, таинственного, чем обжитая птицами высь? На эти вопросы Алфёров отвечает пареньку «при помощи» другого персонажа поэмы – бывалого горняка:

"- Так неба тебе?! Это дело простое –
В глаза поглядеть небесам, -
Зарницу как-то во время простоя
Старик-перепусчик сказал.

- Пойдём-ка со мной!
И полезли шахтёры
В какой-то ходок запасной.
... У скважины тесно толпились подпоры
И запах ютился лесной.

И Пашка, от струй водяных укрываясь,
Нырнул головою туда.
Из выси бездонной ему улыбалась
И ярко мигала звезда.

Сияла звезда, точно новенький орден,
Из всех галактических сил.
- Ну где бы такое увидел ты в полдень? –
Старик-перепусчик спросил".

В этом фрагменте – сгусток подлинной поэзии; букет ёмких, точных образов. Так поэтизировать шахту, как это делал Алфёров, могли в российской литературе очень немногие. А чего стоят две последние строчки поэмы, в которых воплотилась не только её главная суть, но и сущность горняцкого труда:

"...В горизонтах шахтёрского неба
Есть путь до звезды золотой!"

По ряду свидетельств, рабочий вариант «ШАХТЁРСКОГО НЕБА» отправлялся автором в Москву - на суд Александра Суркова. И тот – к прежним опытам Алфёрова относившийся «не очень» – это его творение, в общем-то, приветствовал.

Окончание работы над поэмой стало событием в культурной жизни Киселёвска середины 1960-х. Её охотно опубликовала «В бой за уголь», присудив автору 1-е место в творческом конкурсе, посвящённом фезеошникам военной поры. Есть данные, что «ШАХТЁРСКОЕ НЕБО» – целиком или в отрывках – публиковала газета «Комсомолец Кузбасса». Её читали в эфире областного радио. Её фрагменты становились песнями. А потом про неё – почти на 30 лет – забыли...

Только в 1992-м «Киселёвские вести» - газета, делавшая тогда первые шаги – вернула поэму читателям. И в дальнейшем – с интервалами в шесть и девять лет – её дважды переиздавала.

***

Триумф «ШАХТЁРСКОГО НЕБА» почти совпал с другим событием в жизни Алфёрова. Его избрали руководителем городской литературной группы «Родник». И это при нём – тогда ещё молодом человеке – литературная жизнь Киселёвска стала достоянием всего Кузбасса. Да и Кузбасса ли только? В середине 1960-х документальный фильм о шахтёрах Киселёвской народной киностудии, руководил которой Юрий Гончаров, стал призёром Всесоюзного кинофестиваля. Жюри отметило как операторские достоинства ленты, так и её сценарий – написанный в стихах. Александр Алфёров был его соавтором.

В те годы Алфёров сильно вырос как журналист. Редактор «В бой за уголь» Николай Агеев приглашал его на подмену работникам своей газеты, уходящим в отпуск (речь о корреспондентах промотдела). А когда при «В бой за уголь» создали молодёжную редакцию – Алфёров принял в её работе живое участие. Тогдашняя «молодёжка» во многом напоминала филиал «Родника». Материалы в неё писали такие местные поэты, как Валерий Зубарев, Василий Феданов, Владимир Евдокимов, Татьяна Костюченко.

В 1970-м в Кемеровском книжном издательстве вышла поэтическая кассета «Утренняя дорога», в состав которой входил сборник Валерия Зубарева «Говорил со мною ветер». Для Киселёвска это событие стало знаковым. Ведь прежде ни один житель города автором книги не становился. Алфёров был горд и счастлив... Он радовался за Валерия так, будто имел к выходу его сборника прямое отношение. Одно из занятий литгруппы Александр Акимович целиком посвятил обсуждению этой книги. Причём, на похвалы в адрес её автора не

скупился, что для Алфёрова – с его вьедливо-критичным отношением к творчеству поэтов-земляков – было нетипичным.

Алфёров хорошо знал советскую поэзию 1920-х, 1930-х годов. Ряд её оттенков можно различить в «ШАХТЁРСКОМ НЕБЕ», да и в более ранних его сочинениях. Однако, в 1970-е Александр Акимович по-особому пристально изучал её опыт. Можно сказать – «вживался» в него. Конечно же: Васильева, Тихонова, тем паче Багрицкого и Маяковского, Алфёров не дублировал, но в их общей традиции работать пытался. И не безуспешно.

Примером тому – стихотворение «КОЛОМЕНСКОЕ», написанное в 1971-м году:

"От пристани с пароходами
До шлюзов на перекатах
Историей и природою
Коломенское богато.

И мне навсегда запомнился
Тот день, от оркестров яркий...
Гуляла Москва в Коломенском,
В его знаменитом парке.

Там было на что заглядеться
Такому, как я, зеваке.
Весь праздник сиял над детством
Лихим плясуном в рубахе!

А с праздником вместе помнится
И видится мне вдалеке,
У круч над рекою солнечной,
Высокий старик в пиджаке.

Сутулясь, он слушает негра,
Людей озирает зорко...
И шум над толпой, как эхо:
- Да это ж – товарищ Горький!"

Поэт обретал новых читателей. А круг их, постепенно, вырастал уже до масштабов Отечества. Стихи Алфёрова – помимо альманаха «Огни Кузбасса» - выходили в журналах «Советский шахтёр» и «Рабоче-крестьянский корреспондент».

В 1973-м году в издательстве «Советская Россия» увидел свет коллективный сборник «Родники народные», в состав которого вошло стихотворение Алфёрова «ГОВОРИТ ПРЕДАНИЕ».

***

Алфёров был фанатиком поэзии... Жизненный принцип Юрия Олеши: «Ни дня без строчки!» - он возвёл для себя в ранг закона. И соблюдал его неукоснительно. Чтобы не отвлекаться «на пустяки» - Александр Акимович не имел даже телевизора. Жил как аскет, лишая себя многого... И людям, которые знали его постольку, поскольку, он мог показаться скупым человеком. Обедая в столовой, Алфёров платил за еду по 20-30 копеек, хотя «средний едок» тратился на полтинник. Он по многу лет не покупал верхнюю одежду... носил обувь, не раз гостившую в мастерской у сапожника... Он никогда не садился в автобус, чтобы проехать 3-4 остановки. Шёл пешком.

Но дело не в скупости... Алфёров был – бережливый! Потому что собирал книги, без чтения которых – его слова – «не вырасти в хорошего поэта». Алфёров был – экономный! Потому что иначе не мог бы отправиться в Болдино – «к Пушкину», и в Тарханы – «к Лермонтову». Алфёров был – расчётливый! Потому что не пропускал премьерных спектаклей в театрах Кузбасса и выставок в областных музеях. Всё это требовало денег, а зарплата у Алфёрова была - миниатюрной. Вот он и отказывал себе во многом, чтобы не потерять в Главном – в творческом и духовном росте.

С годами вокруг поэта сложилось общество людей, разных по увлечениям, профессиям, взглядам на жизнь. То были художники, музыканты, библиофилы, ребята из народной киностудии. Речь шла, по сути, о культурной богеме Киселёвска, войти в которую мог любой, но – при условии, что в нём есть «божья искра», способная зажечь других. И ведь – зажигали! Загораясь, при этом, сами от своих товарищей. Кипели споры... Клокотали страсти. Шло взаимообучение... взаимообогащение...

Понятно, что в такой среде Алфёров просто не мог не меняться. И в 1970-е он удивил многих, когда начал создавать цикл стихов для детей. В них был и мягкий юмор, и смак познавательного начала. Присутствовал даже элемент поэтического каламбура:

"...Ян уехал, а без Яна
Заскучала обезьяна".

"...Летний вечер у Томи** –
Ты меня не утоми!"

В ту же пору Алфёров показал себя мастером эпиграммы. Он посвящал «колючие послания» как отдельным людям, так и предприятиям, учреждениям. В качестве примера можно вспомнить эпиграмму в адрес газеты «В бой за уголь», которая – по мнению Алфёрова – мало писала о проблемах горожан.

Используя фамилию одного из работников газеты – Щека – поэт «выдал» такое четверостишие:

"Нету времени на ругань,
Но слетает с языка:
- У газеты «В бой за уголь»
Нет лица, а есть – Щека".

Он чутко реагировал на жизнь родного края. Писал об экологии, поднимая темы загрязнения Абы и необходимости рекультивировать «...безжизненные пропасти карьеров». Сожалел о том, что: «...меньше стало прозрачных зорь \ там, где город огни зажигает». И радовался успехам геологов, строителей, металлургов, которые умножали богатства Земли Кузнецкой.

В этом плане показательно стихотворение о прокладке железной дороги к одному из главных рудников Горной Шории – Чугунашу:

"Мы задание выполнить в сроки смогли.
И за нами тяжёлые рельсы легли.
«Чугун – наш!» - мы скалистым сказали местам,
«Чугунаш!» - за верстой отозвалась верста.
А потом по тайге пропыхтел паровоз
И хорошее слово повсюду пронёс".

Сказано так, что, вроде бы – проще некуда. Однако, в шести рифмованных строках Алфёров показал очень... очень многое. Тут и – речь о важном этапе освоения Кузбасса; и настроение первопроходцев – горделивое, приподнятое; и фонетическое открытие (в лучших традициях того же каламбура). Так – и только так, наверное - мог писать о «стройке века» талантливый поэт и патриот своего Отечества.

***

Но если в творческом плане поэт был на подъёме, то с его здоровьем происходило обратное. С детства склонный к недугам, в 1970-е Алфёров болел всё чаще... серьёзнее... тяжелее... Кое-кто из людей, близко знавших Александра Акимовича, полагал, что надлом в его самочувствии стал результатом трудов над повестью, в которой Алфёров описывал годы, проведённые им в германском рабстве. Волнения от жестоких воспоминаний просто не могли не ударить по нему. В 1979-м он прошёл через предынфарктное состояние... а в 1981-м – через микроинсульт...

После тех катаклизмов Алфёров стал другим человеком. Очень одинокий в личной жизни, Александр Акимович замкнулся в себе даже для друзей. Он

выпускал шахтовую газету, но уже - без прежнего «огонька»... Проводил занятия литгруппы – но делал это всё реже, и реже... Перестал откликаться на просьбы школ и библиотек о встречах с читателями (хотя прежде сам такие встречи организовывал). Встряхнулся, было, во время Дней советской литературы в Кузбассе, когда в Киселёвск приехала группа известных писателей (Алфёров общался тогда накоротке со Львом Ошаниным), но - ... «Встряска» длилась недолго. Каких-то полтора, два месяца.

Возможно, в тот короткий период духовного облегчения Алфёров и написал стихотворение «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, АПРЕЛЬ!», которое – под рубрикой «Весёлая минутка» - вышло в 1983-м году в альманахе «Огни Кузбасса». В нём – двадцать четыре строки, зарифмованных под конечное слово первой из них – «апрель». Одно лишь это уже – явление достаточно редкое. Но Алфёров главный акцент поставил на другом элементе. Поэт как бы продолжил стихотворение... после его завершения! Он адресовал читателю постскриптум, в котором – теперь уже в прозе – сообщал ему, что исчерпал далеко не все «апрельские» рифмы. И – перечислял их в количестве полутора десятков.

Такой подход к форме и подаче стихотворения можно было считать новаторским. Поэт как бы высветил потенциал своих возможностей; показал, что не чужд литературному эксперименту.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, АПРЕЛЬ!» - последняя вещь Алфёрова, наполненная духом оптимизма. Всё, что создано Александром Акимовичем после неё, поражает грустно-щемящей... подчас тоскливой тональностью. Таково, например, стихотворение «РУКАВИЦЫ», предложенное Алфёровым для публикации "Огням Кузбасса":

"Пишет матери сын:
«Потерял рукавицы,
И таких по размеру
Найти не могу.
Разыгрался мороз,
И метелица злится,
Ходим тут,
Утопая в глубоком снегу.
В остальном
Я живу без нужды и без скуки.»

Приглашает
Старушку к себе...

Зябнуть стали теперь
Материнские руки
Даже в жаркой,
Уютной избе".

***

Говорят, истинный поэт всегда предчувствует уход из жизни. Третьего номера «Огней Кузбасса» за 1985-й год - с грустными «РУКАВИЦАМИ» - Алфёров ждал, как никакое другое издание с публикацией его трудов.

Альманах пришёл в Киселёвск в начале осени, но Александр Акимович порадоваться желанной публикации не успел. 2-го сентября 1985 года его не стало. Вконец изношенное сердце дало необратимый сбой. Рядом с Алфёровым в тот момент никого не было. И последнее, что смог сделать умирающий поэт – это выбраться из квартиры на лестничную площадку. Там – не дождавшись вызванной соседями «скорой помощи» – он и скончался.

По странной прихоти судьбы, уход Алфёрова почти совпал с Днём шахтёра – с праздником, который был для него более важным, чем какой-либо другой...

Александра Акимовича хоронила ставшая для него родной шахта имени Вахрушева. Её газету он вёл 24 года – поставив, тем самым, рекорд Кузбасса по срокам редактирования подобных изданий.

Гроб с телом покойного установили в шахтовом спортзале, потому что скорбеть об усопшем в его квартире было некому. Даже близкие родственники, по чьим адресам отбили телеграммы, на прощание с Алфёровым не приехали. Оттого и не стоит удивляться тому, что проводы поэта в последний путь выглядели дежурным мероприятием. Официозные речи у развёрстой могилы... Беспечальные разговоры за поминальным столом...

А потом настал черёд воровства. Точнее – расхищения того, что имел Алфёров при жизни. В отсутствии наследников бог весть куда, только не по библиотекам, разошлось его богатое собрание книг. Бесследно пропала коллекция картин местных художников. Личный архив поэта – и тот перекочевал в «частные руки».

С этого начинался период забвения Алфёрова... Непостижимо! В 1987-м никто в Киселёвске не вспомнил о 60-летию со дня рождения поэта... К 1988-му затерялось его могила... А к началу 1990-х само имя поэта произносилось только на бытовом уровне (в разговорах между людьми, близко знавшими Алфёрова)... Городская культура, с которой - нога в ногу - поэт шёл десятки лет, оказалась на редкость склеротичной барышней.

Александр Акимович вернулся к читателям в 1992-м году. Тогда в только что созданной газете «Киселёвские вести» был напечатан материал о его творческой жизни. В том же номере – почти через тридцать лет «непубликации» - вышла поэма «ШАХТЁРСКОЕ НЕБО».

В дальнейшем на страницах «КВ» не раз выходили стихотворения Алфёрова и материалы о нём (в том числе – мемуарного плана). Лучшие из них заняли видное место в 1-м томе трилогии «Киселёвск в моей судьбе», который был выпущен Издательским домом «Киселёвские вести» в 2002-м, и переиздан в 2005-м годах. Тем самым Александр Акимович обрёл творческое бессмертие. Заслуженное... Выстраданное.

Алфёров творил в непростое время. Считаясь одним из самых публикуемых поэтов города, он – по сравнению с киселёвскими пиитами нашего времени – издавался не так уж часто. В газетах и журналах увидела свет малая часть из написанных им стихотворений. По ним-то мы и судим теперь об уровне алфёровского таланта, гадаем о том, на какую высоту он мог подняться.

Доживи Александр Акимович до начала 1990-х – и у него наверняка вышла бы книга. В те годы КПСС утратила влияние на издательства, и они получили свободу в подборе авторов. Многие стали зависеть от финансовых возможностей литераторов. И Алфёров, конечно же, спонсоров на издание сборника нашёл бы. Кто-кто, а уж шахта имени Вахрушева на выпуск книги «своего редактора» не поскупилась бы.

Но история, как мы знаем, не терпит сослагательного наклонения... Поэт, чей вклад в литературную жизнь города огромен, до сих пор не представлен у нас отдельной книгой. Да и, судя по всему, вряд ли будет представлен. Основная часть творческого наследия Алфёрова утрачена... Сохранились две небольшие поэмы, да около двадцати стихотворений (не во всём равнозначных по их качеству). Для книги, способной дать объективное представление об её авторе – этого мало. Но вполне достаточно для подборки, способной украсить коллективный сборник местных поэтов.

И что-то мне подсказывает, что день, когда такой сборник выйдет, не за горами.

***

После похорон Алфёрова его товарищ Вадим Фишер отправил письма со скорбным содержанием близкой родне покойного, живущей в Санкт-Петербурге (тогда – Ленинграде) и в Кисловодске. Ответ пришёл только от одного из родственников – С.С.Мултанова. В нём – предельно сжато – говорилось о трагической подоплёке жизни Алфёрова, и давались оценки его характеру.

С.С.Мултанов писал:

«...судьба Саши была необычной и, я бы сказал, несправедливой. Обычного детства у него не было. Отца он не знал. Мать, оставшаяся без мужа, жила в

мере, на Земле Кузнецкой.

Пусть эта публикация станет малым камнем в основу памятника хорошему поэту, и щедрой души человеку.

Светлая память ему... И, хочется верить - благодарных читателей.

2008 г., 2010 г.,
Киселёвск

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АЛФЁРОВА

Жизнь прокалить
и не закончить книгу –
пожалуй, только это
и успел.

Поэзии
рифмованное иго
считал за свой
единственный удел.

Он просто жил:
от «майны» - и до «виры».
По-новой познавая
этот мир –

в шахтёрской каске видел
контур лиры,
и отличал её
от прочих лир.

Ушёл поэт,
подмога для немногих,
до срока припорошен
сединай,

унёс во мрак
негромкие итоги,
подбитые
кладбищенской киркой.

Гудки ВГСО***
над ним стонали
минуту лишь,
а мне казалось – век.

...Он честно пел,
как «уголёк качали»,
и не допел,
и не раскроет век.

Сергей Грущанский,
5 сентября 1985 г.

*Акчурла – старое название углепогрузочной станции «Киселёвск» и городского вокзала.

**Томь – река в Кемеровской области.

***ВГСО – военизированный горноспасательный отряд.